

Тяжелые свинцовые тучи затянули небо, и когда яростный ливень с новой силой обрушился на землю, Вэй Чэн с Горшочком уже были в безопасности — они сидели на теплом кане в доме Доумяо.

И лекарь Цяо, и староста Ли звали братьев к себе, но Вэй Чэн, привыкший обдумывать каждый шаг, колебался. У лекаря в семье был молодой гээр, у старосты — и вовсе полон дом дочерей да сыновей. Пусть братья и сами были детьми, но всё же оставались мужчинами, и стеснять чужих людей не хотелось. Юноша уже почти решил проситься к Доумяо, как вдруг увидел матушку Доумяо: придерживая большой живот, она в сопровождении нескольких старух спустилась к подножию горы. Несмотря на беременность, голос её оставался таким же звонким и властным — она во всеуслышание звала Вэй Чэна и Горшочка к себе, не желая слушать никаких возражений.

Лекарь и староста не стали настаивать, и так братья оказались в доме мясника Ма. Даже волчонка Синъэра не оставили в беде, определив его на ночлег в дровяной сарай.

— Ешьте, налегайте побольше!

Матушка Доумяо, придерживая поясицу, принесла еще одну тарелку — жареное мясо со свежими грибами. Срок у неё был еще не слишком большой, но из-за того, что она ждала двойню, двигалась женщина тяжело и медленно.

— Ого, сколько всего! И мясо с грибами! Моё любимое!

Глаза Доумяо радостно блеснули. Он подтолкнул тарелку поближе к гостям.

— Моя тётушка готовит лучше всех на свете, вы сегодня обязательно должны наесться досыта!

Вэй Чэн с улыбкой поблагодарил хозяев.

Ужин по деревенским меркам выдался поистине роскошным: три мясных блюда, одно овощное и целая гора белоснежных пышных пампушек.

— Тётушка, Лань-шэньцзы, хватит хлопотать, — поспешно проговорил юноша. — Присаживайтесь и вы с нами.

Лань-шэньцзы была родной старшей сестрой матушки Доумяо. Она приехала в деревню Маоси нынешним утром, чтобы присмотреть за сестрой, пока муж и сын той уйдут в горы.

— Сейчас, сейчас сядем, — отозвалась Лань-шэньцзы.

Сестры были удивительно похожи — и лицом, и той же бойкой, решительной манерой речи. Она положила большую пампушку в миску Горшочку.

— Какой славный малыш, загляденье просто! Ну же, не стесняйся, кушай.

Мальчик, опустив глаза, вежливо прошептал:

— Спасибо, тётушка.

— Ешь, Горшочек, не грусти. Дождь через пару дней утихнет, и вы сразу вернетесь домой.

Доумяо, всю уплетая хлеб, попытался утешить младшего.

При упоминании о доме Горшочек слабо улыбнулся, хотя глаза его, всё ещё красные от слез, предательски заблестели. Он изо всех сил откусил кусок пампушки и кивнул:

— Угу!

Вид у него был такой неприкаянный, что у всех присутствующих сжалось сердце. Вэй Чэн ласково погладил брата по голове, ощущая в душе ту же горькую пустоту. С прошлой зимы и до нынешнего лета они прожили в своей хижине полгода и успели привязаться к этому крохотному уголку. Мысль о том, что сель вот-вот сотрет их единственный кров с лица земли, жгла изнутри.

После ужина, когда они остались на кане беседовать, домой вернулся Мясник Ма в промокнутом насквозь соломенном плаще. Жена тут же бросилась вытирать его и расспрашивать:

— Что старики говорят? Поля у реки не затопит?

В сезон дождей низинные угодья страдали первыми. К счастью, их поля располагались выше.

Мясник Ма тяжело вздохнул:

— Трудно сказать.

Он перевел взгляд на Вэй Чэна и его младшего брата и добавил коротким, но твердым голосом:

— Живите у нас как дома, не чужайтесь.

Обычно немногословный, этот суровый мужчина нашел слова утешения для сирот. Видимо,

увидев, с какой любовью и старанием братья обустроили свою убогую хижину, он проникся к ним искренним сокраданием.

Небо словно прохунилось — ливень не прекращался до самой ночи. Прохлады он не принес, лишь наполнил всё вокруг тяжелой, липкой духотой.

Этим вечером Вэй Чэна и Горшочка уложили в одной комнате с Доумяо. Тот был вне себя от восторга. Едва расстелив постель, он заявил младшему:

— Давай ко мне под бочок, я тебя обниму.

Горшочек, одетый в белую нижнюю рубаху, сшитую для него матушкой Доумяо, сверкнул пухлыми голыми ручонками и мигом юркнул за спину брата:

— Не надо!

Вэй Чэн, расправляя их одеяла, коснулся лба малыша:

— Не бегай, и так душно. Вспотеешь — спать будет неудобно.

— Ладно.

Малыш послушно притих, но, обхватив руку Вэй Чэна, продолжал опасливо поглядывать на Доумяо.

— Горшочек не хочет... чтобы брат Доумяо обнимал.

— Брат Доумяо не будет, — старший брат погладил его по плечу. — Я сам тебя обниму.

Доумяо притворно надулся:

— Ну и ладно! Не хочешь — не надо! Тогда я буду обнимать брата Чэна!

— Нельзя! Нельзя!

Мальчик вывернулся из-под руки брата, уселся перед другом и, смешно скрестив ручки на груди, с видом великомученика проговорил:

— Ладно... пусть Доумяо обнимает Горшочка.

Собеседник и злился, и смеялся одновременно:

— Да что я, чудище какое-то? Почему ты так не хочешь со мной спать?

В этот момент в комнату вошла матушка Доумяо:

— Потому что ты во сне зубами скрипишь, вертишься и лягаешься как конь! Я бы и сама с тобой спать не легла!

Она притянула к себе малыша и принялась тискать его мягкие щечки. Из-за тяжелого живота она не могла, как раньше, поднять его на руки, поэтому лишь приговаривала:

— Ой, какой же ты беленький, какой нежный... Ручки, ножки — чистый шелк, мягче хлопка! — затем она лукаво прищурилась: — Может, со мной сегодня ляжешь, а, Горшочек?

Мальчик покраснел до кончиков ушей:

— Я хочу... с братиком.

— Ладно, ладно, только о своем брате и думаешь, — она легонько щелкнула его по лбу и повернулась к Вэй Чэну: — Чэн, укладывайтесь поскорее. Я принесла вам мешочки с травами от комаров. Сейчас задую светильник, и спите.

— Хорошо, матушка, ложимся.

Вэй Чэн уложил брата в середину. Доумяо пристроился с другого края. Матушка положила каждому у подушки по ароматному мешочку. Сын хозяйки по привычке хотел его потискать, но получил по рукам:

— Не балуй! В дождь гнуса полно, искусают — жалеть не стану.

Юноша хихикнул и пообещал вести себя смирно.

Когда мать ушла и в комнате воцарилась тишина, раздался шепот Горшочка:

— Брат Доумяо, ты спишь?

— Нет еще, что такое?

Малыш выбрался из объятий Вэй Чэна и осторожно подполз к краю одеяла друга. Его

маленькая теплая ладошка коснулась руки Доумяо:

— Брат Доумяо, у тебя такой большой дом и такой просторный кан... Спасибо, что пустили нас с братиком поспать.

Тот в ответ крепко сжал его ладонь:

— Да пустяки это! Мы с твоим братом — как кровные братья, так что ты и мне брат. Не вздумай больше благодарить.

— Хорошо!

Маленький белый комочек снова переполз обратно под бок к Вэй Чэну. Тот с тихим смешком погладил его по спине:

— Спи давай.

Вскоре послышалось ровное сопение.

— Уснул? — шепотом спросил Доумяо.

— Спит. Измотался он сегодня.

Вэй Чэн помолчал, а потом спросил:

— Доумяо, когда деревня решила в горы идти?

— Праздник Пятерки на пятый день, так что пойдём первого числа.

Собеседник оживился:

— Чэн, ты всё-таки решил идти с нами? Это же здорово! Малыша оставишь у моей матери с тёткой, они от него без ума, присмотрят в лучшем виде.

— Я хочу взять Горшочка с собой, — тихо обронил Вэй Чэн.

— С собой?!

Друг на мгновение запнулся:

— Ну... завтра давай с моим отцом поговорим.

— На днях я заикнулся о том, чтобы оставить его, так он изрыдался весь, — продолжал старший брат. — Мал он еще, ко мне привязан. Да и дома у нас теперь считай нет, идти некуда. Сердце болит, как подумаю... Лучше уж рискнуть и взять его в горы.

Доумяо кивнул и вздохнул:

— Это верно. Как там говорят — у каждой семьи свои горести. Мой отец на забое свиней неплохо зарабатывает, но сейчас мастеров развелось столько, что родители места себе не находят. Боятся, что я в будущем не прокормлюсь. Вот и стараются накопить побольше, пока силы есть.

Вэй Чэн немного подумал и сказал:

— Тебе ведь не обязательно всю жизнь по деревням со скребком бегать. Если будут деньги, можно наладить скупку свиней по округе, а в городе открыть свою мясную лавку. И заработок выше, и по чужим дворам мотаться не надо — всегда будешь при доме.

— А? — Доумяо даже приподнялся от удивления. — Это же и впрямь дело! Завтра же родителям скажу!

Он зашептал еще горячее:

— Если в этот раз на женьшене заработаем лянов пятьдесят, это ж какой капитал будет! Даже если лавку не выкупать, можно место в мясных рядах арендовать!

— Именно так, — улыбнулся Вэй Чэн.

— Чэн, — протянул Доумяо, — ну и голова у тебя! А сам ты чего хочешь? Неужто как Вэй Чжи из вашей семьи — в столицу поедешь, на чиновника учиться?

Давно юноша не слышал этого имени, и оно всколыхнуло в душе старые обиды. Он уже хотел было ответить, но в этот момент комнату огласил мощный храп собеседника.

Ночью со двора доносились какие-то крики, Вэй Чэн хотел подняться, но веки были тяжелыми как свинец, и он снова провалился в глубокий сон.

Наутро, едва проснувшись, они услышали плач за воротами. Матушка Доумяо рассказала: в

полночь сель всё-таки сошел. Поток прорвал заграждения из мешков с песком, и река вышла из берегов. Все поля в низине затопило, урожай, посаженный в марте-апреле, погиб под слоем ила.

Вэй Чэн вскинулся:

— А наша хижина?..

Мясник Ма покачал головой:

— Воды слишком много, сейчас не пройти. Подожди, пока схлынет, тогда и глянешь.

Делать было нечего. Вскоре к ним подошел Горшочек — в своем маленьком плаще, с волчонком на руках.

— Братик, мы идем домой? — с надеждой спросил он.

Вэй Чэн вздохнул и присел перед ним:

— Погоди еще немного, малыш. Дорогу развезло.

Горшочек понурил голову и тихо шмыгнул носом. Золотое гнездо, серебряное гнездо — а свое всё же лучше. Пусть в новом доме их принимали как родных, они не могли вечно жить на чужих хлебах.

Прошло еще три дня, прежде чем вода на дорогах спала. Вэй Чэн, подхватив брата и Синьэра, первым делом помчался на гору. Весь путь был усеян обломанными ветками и поваленными деревьями. Увидев свою хижину, они замерли: солому с крыши слизало начисто, доски от курятника и навеса раскидало на сотни метров вокруг. Дверь исчезла, и в пустом, гулком помещении стояла вода.

Сель прорвал плотину совсем рядом, затопив поля, но чудо — сама хижина выстояла. Правда, теперь это был лишь жалкий скелет дома.

Глаза у братьев покраснели. Даже волчонок, бегая вокруг руин, угрожающе рычал, словно тоже негодовал на стихию, разрушившую его логово.

Оставаться здесь было опасно, и они вернулись в деревню. В доме Мясника Ма собрались мужчины — обсуждали завтрашний поход в горы.

— Чэн вернулся! Ну как там, наверху? — спросил Ли Саньлан.

Вэй Чэн привязал ослика и спустил Горшочка на землю. Селяне, завидев в руках у ребенка «черного волкодава», невольно попятнулись. Уж больно этот пес походил на волка, да и слухи о том, как он покусал Цинь Даюна из соседней деревни, еще не забылись.

— Стоит наша мазанка, — глухо отозвался юноша. — Только толку от неё... всё равно что нет её вовсе.

— Против неба не попрешь, — вздохнул кто-то.

— И то верно. Коли небо решило у тебя что-то забрать — отдашь как миленький.

— У Ван Чэна всё поле под илом похоронено. Мать его, как узнала, без чувств рухнула, до сих пор не очнется...

Мужчины еще немного посочувствовали, Вэй Чэн вежливо поблагодарил их.

— Слыхал я, ты тоже за женьшенем собрался? — подал голос Старик Мэн, сидевший в центре круга.

Его мутные, выцветшие глаза не отрывались от Синьэра. Волчонок ответил ему глухим, предостерегающим рычанием.

Вэй Чэн нахмурился и заслонил собой брата:

— Горшочек, иди к тётушке, поиграй с Синьэром.

Малыш послушно убежал.

Старик Мэн снова обратился к юноше:

— Самому-то идти можно, у нас и десятилетние ребята ходят. Но вот малого брать — не дело это.

Остальные согласно загудели:

— И то верно! Девятилетний — он уже понимает, где притихнуть, а где не лезть. А этот твой больно мал. Напугает нам столетний корень — и что тогда?

— Где это видано — с грудным младенцем в глушь соваться? Глупость это, не пустим!

Вэй Чэн немного помолчал, а потом твердо произнес:

— Брат у меня смирный. Кричать и бегать без спросу не станет, за это я ручаюсь. Если же ослушается — бросайте нас прямо там, мы слова не скажем!

— Да кто ж вас бросит, малых-то!

— Горшочек — парень толковый, он в шесть лет на счетах считает и книги читает. У нас в деревне других таких и нет, — заступились за него лекарь Цяо и Ли Саньлан.

Мясник Ма, до того молчавший, веско проговорил:

— Вы же видите, в какую беду ребята попали. Дома нет, за душой ни гроша. Хотят корень найти, чтобы на ремонт заработать, к чему вы их попрекаете? Коли боитесь, давайте поделимся на две группы.

— Мы с тобой, брат! — тут же отозвались братья Мясника Ма.

Лекарь и Ли Саньлан тоже поддержали его:

— И мы с Мясником пойдем. Присмотрим за Вэй Чэном и малым.

— Лекарь Цяо! Да как же так? Ты ж у нас один лекарь на всю округу, — заволновались остальные. — Без тебя мы и трав-то нужных не признаем!

Тот холодно ответил:

— Раз так — не будем делиться. Идем все вместе, и Вэй Чэна с малым берем.

Те, кто спорил, прикусили языки. Все взгляды обратились к старому охотнику. Тот помедлил и кивнул:

— Ладно. Пусть идут. — Он сделал паузу и добавил, глядя на Вэй Чэна: — Только вот охотники наши собак берут. Твоего «черного волкодава» брать нельзя. Псы его не знают, сцепятся — всё дело нам испортят.

Юноша помедлил, но согласился:

— Хорошо.

Впрочем, он был уверен: этот волчонок сам найдет способ за ними увязаться.

Когда все разошлись, Вэй Чэн поблагодарил лекаря Цяо за заступничество. Тот лишь отмахнулся:

— За что благодарить? Это мне впору тебе спасибо говорить. Помнишь, ты мне про городскую аптеку «Цзиминь» рассказывал?

Оказывается, на днях лекарь решил продать пару небольших корешков женьшеня и кое-какие травы. Стоило ему войти в заведение, как он услышал, что жена одного богатея страдает от кровотечения после тяжелых родов. Ей срочно нужен был свежий женьшень, чтобы удержать дух жизни. Управляющий развел руками — мол, в закромах пусто. Богач уже собрался уходить, как лекарь Цяо окликнул его. Тот, не торгуясь, выкупил оба корня за огромную цену. Управляющая Чжун даже не рассердилась, что сделку провернули у неё под носом, лишь бы человека спасли. Да еще и травы у лекаря выкупила по старой цене.

Получив на руки больше десяти лянов, лекарь Цяо долго не мог поверить своему счастью.

Слушая этот рассказ об удаче, Вэй Чэн невольно подумал о везении своего брата. Он улыбнулся:

— Дядюшка Цяо, и мне не за что спасибо говорить. Это вы нам лучшего учителя нашли — Горшочек от дедушки Чэня в восторге.

Так и порешили.

Рано утром первого числа десятков мужчин собрался у околицы. Старик Мэн был за главного — все шли гуськом за ним. Одеты все были плотно, одежда была насквозь пропитана едким духом порошка реальгара — чтобы ни ядовитые осы, ни травы жгучие не донимали. У каждого за плечами — узелок с водой и лепешками, в руках — палка с привязанной красной лентой. Штука эта была незаменима: и змею отогнать, и по дереву постучать, если от своих отбилась — звук в лесу далеко идет.

Поход предстоял долгий — не меньше трех дней.

Вэй Чэн легонько сжал руку брата:

— Устанешь — скажи, я тебя понесу.

Горшочек сиял. Он весело подпрыгивал:

— Совсем не устал! Братик, Горшочек совсем не устал!

Впервые после гибели хижины малыш был по-настоящему счастлив — брат обещал, что они найдут клад и построят новый большой дом.

Они шли по тропам, и к восходу солнца углубились в самую чашу горы Маоси. Мужчины тяжело дышали, но азарт гнал их вперед — каждый мечтал о том самом «столетнем корне».

Вдруг Старик Мэн остановился. Вместе с помощниками он начал раскладывать на камне жертвенные деньги и фрукты, а затем зажег пучок ароматных палочек.

Лекарь Цяо шепнул братьям:

— Говорят, дикий женьшень — существо живое, Дух горы его по своей воле людям дарит. Поэтому прежде всего надо совершить Поклонение горе. И запомните: в лесу нельзя говорить «копать корень» — это неуважение. Надо говорить «Тай бао цин шэнь» — поднимать сокровище или приглашать корень. И когда увидите, что кто-то корень нашел — молчите как рыбы, не то Дух горы разгневается и отнимет дар. Тот столетний корень потому и ушел, что его молодые парни криком спугнули...

Вэй Чэн слушал, затаив дыхание. О таких тонкостях он и не подозревал — хорошо, что не пошел в горы один.

Когда курения догорели, Старик Мэн зычно выкрикнул:

— Ниц!

Все как один пали на колени. Они жили за счет этих лесов, и поклониться им было делом чести.

Ведомые охотником, они остановились у крутого склона. Мэн велел своей группе идти наверх, а группу Мясника Ма отправил в низину. Вэй Чэн, Горшочек и Доумяо жались к Мяснику и лекарю Цяо. Мужчины переговаривались вполголоса — мол, здесь наверняка есть обычные корни, а за тем беглецом надо идти еще глубже.

Вскоре все разошлись, выискивая заветную зелень. Вдруг кто-то восторженно вскрикнул:

— Дубинка! Дубинка!

И тут же застучал палкой по стволу дерева. «Дубинка» — так на охотничьем наречии звали дикий женьшень.

Все мигом сбежались на звук. Нашел корень один из людей охотника Мэна. Лю Шуньцзы, так звали счастливца, радостно замахал руками, показывая знаками:

— Три... Трёхлистник!

Заметив недоумение детей, лекарь Цяо отвел их в сторону и зашептал:

— По листьям узнают цену. Трёхлистник — это когда из стебля выходят три сложных листа, их еще называют «три ладони». Значит, корню уже лет десять есть. Как те два «Трёхцветика», что я недавно нашел — у них и листьев-то еще толком не было, а тут сразу три! Чем больше листьев — тем он старше и дороже! Идите, посмотрите, как он в земле сидит.

Вэй Чэн подошел ближе. Со стороны растение ничем не отличалось от обычной травы, и лишь наметанный глаз мог заметить, что листья её более гладкие и сочные, а из одного стебля веером расходятся три листа.

Поднятие сокровища — дело долгое и кропотливое. Пока остальные, раззадоренные добычей, поспешили искать свои «дубинки», Вэй Чэн с Горшочком остались сидеть неподалеку, внимательно наблюдая за тем, как Старик Мэн и Лю Шуньцзы приглашают корень. Лю Шуньцзы в это время радостно вырывал сорняки вокруг находки. Выкопав её вместе со всеми тончайшими отростками, они обернули женьшень свежим дерном и осторожно уложили в корзину.

За полдня удача улыбнулась лишь людям старого охотника. Группа Мясника Ма не нашла ничего. Один из мужчин не выдержал и швырнул шапку оземь:

— Старик Мэн, ты же нарочно! Своих повел туда, где корень есть, а нам велел в пустом месте копаться!

Лю Шуньцзы тут же окрысился:

— Да как ты смеешь! Корень сам выбирает, кому в руки даваться. Гора велика — иди куда хочешь, кто тебя держит!

— И то верно! Не нравится — гуляй сам! В Маоси места всем хватит! — поддержали другие.

— Да вы... вы издеваетесь! — задохнулся от ярости тот мужик.

Старик Мэн спокойно стряхнул землю с палки и холодно бросил:

— Я обещал провести вас в глушь за столетним корнем. Но я не подписывался указывать каждому, под каким кустом его доля лежит.

— Не по-людски это, Мэн! — вскинулся даже покладистый Ли Саньлан. — Коли не слушаем тебя — так и корень не ищем, а слушаем — так только внизу и топчемся. Мы тут за вами и змей гоним, и крыс пугаем, а вы наверху один за другим корни приглашаете! Неужто мы вам только как слуги нужны?

Будь на его месте другой, Старик Мэн бы и слушать не стал, но это был сын старосты. Охотник и так-то взял его с собой лишь ради расположения отца, а теперь затаил обиду.

Вдруг земля под ногами вздрогнула. Спорщики осеклись, испуганно переглядываясь:

— Ч-что это?!

Охотничьи псы внезапно зашлись в бешеном лае. Лицо Старика Мэна мгновенно побелело, он выкрикнул страшным голосом:

— Бегите! Это Медведь-слепыш!

<http://bllate.org/book/15346/1413431>